

В условиях «военного коммунизма»

Омск сибревкомовский. Освобождение Омска частями Красной армии было встречено большинством жителей города с радостью и облегчением. «Наконец спала завеса тьмы и мракобесия», – говорилось в обращении Омского ревкома к населению города 15 ноября 1919 г. Революционный комитет, созданный Реввоенсоветом 5-й армии 15 ноября, был чрезвычайным органом, сосредоточившим власть в городе в своих руках вплоть до проведения выборов в городской Совет. В его составе было сформировано несколько отделов, которые должны были заниматься всеми текущими и неотложными делами в городе.

Уже 17 ноября революционный комитет образовал из числа коммунистов оргбюро, которому было поручено воссоздать временный городской комитет РКП (б). Объединенный горком во главе с А. П. Спундэ приступил к работе 26 ноября. Начался процесс восстановления и укрепления партийных организаций, понесших за время белогвардейского правления огромные потери.

30 ноября 1919 г. омичи хоронили зарубленных и расстрелянных 12–13 ноября отступавшими колчаковцами заключенных омской тюрьмы. Из оврага Загородной рощи тела погибших были доставлены в военный госпиталь на ул. Госпитальной. Отсюда похоронная процессия по Любинскому проспекту двинулась к Дому Республики (так был назван после февральской революции реквизированный генерал-губернаторский дворец. – *Ред.*). Свыше сотни гробов из белых свежеструганых досок медленно плыли под звуки траурных маршей на плечах рабочих и солдат к братской могиле, выкопанной в сквере. На похороны пришли десятки тысяч омичей, жителей Атаманского хутора, Куломзино, окрестных деревень. Чтобы лучше видеть происходящее, сотни людей взбирались на крыши окружающих сквер зданий. Над братской могилей был установлен временный памятник – высокая дощатая колонна.

В конце 1919 г. город производил тяжелое впечатление. Всюду были видны следы запустения, хаоса, какой бывает при неожиданном и спешном переселении. Не слышно

Траурный митинг у братской могилы 30 ноября 1919 г. Из коллекции В. И. Селюка.

На площади напротив Дома Республики (сейчас – музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, ул. Ленина, 23) был установлен временный памятник. В 1923 г. на его месте воздвигли каменный монумент, позже названный памятником Борцам революции

На территории военного госпиталя (Скорбященская улица). Из коллекции В. И. Селюка

было гудков паровозов и стука вагонных колес, которые доносились раньше со стороны моста через Иртыш. Да и сам мост представлял зрелище непривычное. Уперев в замерзшую реку сброшенную взрывом ажурную ферму, он напоминал издали разломанную детскую змейку.

С заборов, со стен домов, с тумб, на которых еще висели обрывки белогвардейских афиш, обещавших битому воинству и многочисленным беженцам веселую и сладкую жизнь, на омичей смотрела суровая реальность тех дней в виде черно-красных плакатов с изображением огромной вши и предостерегающих надписей. В Омске и его окрестностях в конце 1919 г. свирепствовал тиф. Перенаселенный беженцами, солдатами, город превратился в огромный очаг заразы. Дворы больниц и госпиталей были заполнены штабелями умерших. Сотни, если не тысячи трупов накопились в товарных вагонах на станционных путях. При бегстве под ударами Красной армии белогвардейцы бросили в госпиталях и казармах около 15 тыс. больных солдат, и те умирали в тифозном бреду в промерзших, с разбитыми стеклами помещениях, а сердобольные женщины из соседних домов приходили и на санках везли их к себе (ведь живой человек пропадает, да к тому же свой, русский). И грешно было винить их за эту доброту, за которую иногда жилось приходилось расплачиваться заразившейся семье.

Тиф тогда был страшным бичом не только Омска. Он распространился на многие районы молодой Советской республики. Сибревкомом и Реввоенсоветом 5-й армии в Омске 5 декабря 1919 г. была создана чрезвычайная комис-

сия по борьбе с тифом (Чекатиф). Возглавил эту комиссию В. М. Косарев – председатель Омского горисполкома, член Сибревкома и Сиббюро Центрального комитета РКП (б). На борьбу с эпидемией были брошены все силы. В самые сжатые сроки для больниц были подготовлены новые здания, прачечные, организовывались дезокамеры, кухни; было оборудовано 20 тыс. койко-мест. Работа проводилась огромная, но количество больных увеличивалось, так как в Омск везли тифозных из окрестных сел и деревень.

Самым страшным «союзником» тифа могла стать весна. С талыми водами инфекция разнеслась бы повсюду, поэтому тиф нужно было победить до оттепели. Специально созданные отряды очищали город от трупов, нечистот и грязи.

Борьба с тифом была фронтом со своими потерями и победами. Умер от тифа в декабре 1919 г. начальник штаба 5-й армии Я. К. Ивасиов, смерть сразила двадцатилетнего секретаря губбюро комсомола Костю Крюкова и многих других. Сибревком как чрезвычайный орган советской власти в Сибири вместе с другими всесибирскими организациями с ноября 1919 г. находился в Омске. Он докладывал в Совнарком: «В армии и городах тиф. Наши работники почти поголовно лежат. Шлите людей».

Но пришло и время побед. Если 31 января 1920 г., когда эпидемия достигла наивысшего подъема, в Омске только в госпиталях было 19 596 тифозных больных, а умер в этот день 171 чел., то к 1 марта было 14 354, а 23 марта – 8 466 больных тифом. В последние 15 дней марта в день

умирало в среднем по 36 чел., затем смертность еще больше сократилась.

В условиях разрухи, царившей как в Омске, так и во всей стране, исключительно важное значение имело восстановление работы транспорта. Транссибирская железнодорожная магистраль была единственной ниточкой, связывавшей Сибирь с центром страны. Именно по ней в российские города, где свирепствовал голод, поступал хлеб из Сибири, по ней шло снабжение Красной армии, сражавшейся с интервентами и белогвардейцами на востоке страны. Однако при отступлении колчаковцы нанесли железнодорожному транспорту огромные разрушения. Только на Омской дороге было выведено из строя 36 малых мостов, взорван мост через Иртыш, разрушено 40 водокачек, 188 стрелок, вывезено оборудование пяти деповских мастерских. Была нарушена связь, так как белые увезли 295 телеграфных и 925 телефонных аппаратов, а провода были повреждены на 4 500 верстах (4 770 км). Сотни паровозов и тысячи вагонов валялись под откосами, стояли неисправными на запасных путях и в депо.

Уже на следующий день после освобождения Омска стали налаживать переправу через Иртыш по тонкому, ненадежному льду. Намораживали лед, укладывали шпалы, рельсы и по ним перекачивали вагоны. Через несколько дней после начала работы в результате халатности (возможно, это была диверсия) с высокого берега на ледовую

переправу сорвались несколько пятидесятитонных вагонов, разрушивших путь, и всю работу пришлось начинать заново. Тем не менее за несколько дней ледовая переправа длиной в две версты 100 сажень (примерно 2,33 км) стала действовать. Вначале вагоны перекачивали через Иртыш вручную, а когда лед окреп, стали ходить паровозы.

В труднейших условиях, в мороз, на пронизывающем ветру, нередко в ледяной воде работали красноармейцы, омские рабочие и железнодорожники, а также пленные белогвардейцы и отбывавшая трудовую повинность омская буржуазия.

Рядом с ледовой переправой шли работы по восстановлению железнодорожного моста, которыми руководил военный инженер Д. М. Карбышев, в годы Великой Отечественной войны удостоенный звания Героя Советского Союза. Сброшенную взрывом огромную железную ферму нужно было поднять и укрепить на опорах. Распространенный тогда способ подъема на клетках из бревен был отвергнут как более длительный. Вместо него инженер И. Д. Гордиенко предложил поднимать ферму с помощью гидравлических домкратов. Для этого в дно реки забивали сваи и ставили сооружения высотой с пяти-шестиэтажное здание. Нужно было успеть до весеннего ледохода, который разрушил бы ледовую переправу. 10 апреля 1920 г. шли еще клепальные работы, а по восстановленному мосту уже стали перекачивать вагоны. 15 апреля состоялось его торжественное открытие. Рабочие омских предприятий,

Взорванный колчаковцами железнодорожный мост через Иртыш. 1919.

Из книги «Кировский округ: прошлое, настоящее, будущее» (Омск, 2008)

строители, красноармейцы собрались у моста с оркестрами. Как писали газеты, под звуки «Интернационала» первый поезд, украшенный знаменами, прошел по мосту. Ледовая линия, по которой до восстановления моста было переправлено в оба конца около 30 тыс. вагонов, была разобрана и перестала существовать.

Большая работа требовалась по спасению и восстановлению речного флота. Мало того, что часть судов была взорвана или приведена в негодность, но еще 36 судов были вморожены в устье Оми и на плесе Иртыша. При весеннем ледоходе им грозила гибель. Губернское бюро РКП (б) создало специальный районный комитет РКП (б) водников, объединивший парторганизации затонов Иртыша и Оми, ячейки судов и береговых управлений. Отряды мобилизованных рабочих городских предприятий, водников, служащих вышли на субботники, прорубив во льду Иртыша канал длиной около 3 км. По нему суда с Иртыша отвели в устье Оми и спасли их от ледохода.

Коммунистические субботники стали постоянным явлением в жизни омичей в конце 1919–1920 гг. Первый субботник был организован коммунистами-железнодорожниками на восстановлении железнодорожного моста 7 декабря 1919 г. С тех пор они проводились регулярно: по очистке города, заготовке дров, восстановлению транспорта и т. д.

В середине декабря 1919 г. была проведена перерегистрация членов РКП (б), собраны членские взносы, создан партийный аппарат в горкоме и райкомах. Численность городской парторганизации составила 441 коммунист и 220 сочувствующих. В начале 1920 г. в городе была проведена партийная неделя, за время которой в партию вступил 4 041 чел.

С декабря 1919 г. стало действовать организационное бюро по созданию городской комсомольской организации, а 4–5 января 1920 г. в Омске была проведена первая общегородская конференция РКСМ (Российский коммунистический союз молодежи), представлявшая 1 600 комсомольцев. Созданные городские партийная и комсомольская организации оказали огромную помощь органам советской власти в борьбе с разрухой и другими последствиями полуторагодового правления белых властей в Омске.

Борьба с тифом, восстановление транспорта, обеспечение продовольствием и топливом Омска в суровую зиму 1919–1920 гг. показали действенность ревкомов. Однако на смену чрезвычайным и временным органам должна была прийти выборная постоянная власть. Кроме того, Омск стал к весне 1920 г. глубоким тылом. Все это позволило провести в апреле 1920 г. выборы в городской Совет (см. очерк «Местное самоуправление»).

При исполкоме Омского городского Совета существовали отделы труда, коммунальный, социального обеспечения, просвещения, здравоохранения, управления и единого

потребительского общества. Для обеспечения общественного порядка была создана городская милиция.

Недостаток грамотных и опытных работников в аппарате городской власти усугублялся частыми мобилизациями на фронт, в уезды, на партийную и иные работы. Кроме того, Омск являлся поставщиком кадров в другие губернии Сибири, особенно на проведение различных «недель», хозяйственно-политических кампаний.

В августе 1920 г. произошли перевыборы Омского горсовета, в котором уже около 15 % составили беспартийные депутаты. А 1 сентября 1920 г. открылся I губернский съезд Советов, завершивший переход Омской губернии к конституционным формам власти и управления. Съезд выразил признательность губревкому за большую работу, проделанную им «при крайне неблагоприятных условиях и ограниченности сил». Был избран первый состав Омского губернского исполкома. Омский горисполком объединялся с губисполкомом, что соответствовало решению VII Всероссийского съезда Советов. В то же время губернский съезд подчеркнул, что в вопросах городской жизни губисполком и его отделы должны быть подотчетны пленуму городского Совета.

Неотложные кампании по борьбе с тифом, восстановлению транспорта, снабжению продовольствием и топливом шли параллельно с социалистическими преобразованиями в экономике. Созданный на первом заседании ревкома 15 ноября 1919 г. Омский Совет народного хозяйства – совнархоз приступил к национализации промышленных предприятий. Кроме того, в условиях «военного коммунизма» все предприятия были взяты на учет. Они лишались хозяйственной самостоятельности, получая задания от совнархоза и по его разнарядкам распределяя готовую продукцию. Кустарно-кооперативный отдел губернского совнархоза взял на учет 120 мелких предприятий, в том числе кожевенных – 36, мыловаренных, свечных, гончарных – 9, текстильных – 9, металлообрабатывающих – 55, деревообрабатывающих – 11.

Уже в декабре 1919 г. начал работать 1-й механический завод «Сельский работник». Его быстрый пуск стал возможным потому, что рабочие сорвали попытку белогвардейцев демонтировать и вывезти станки. Позднее начали работу суконные фабрики, выпускавшие грубое сукно для армии, мельницы, кожзавод и другие предприятия. В начале 1920 г. заводы, производившие сельскохозяйственные орудия, получили задание увеличить к весенне-полевым работам выпуск плугов, борон, сеялок и другой техники.

Но для выполнения поставленных задач не хватало ни топлива, ни сырья, ни квалифицированных рабочих. Несмотря на мобилизацию горожан и крестьян окрестных деревень на заготовку дров, в 1920 г. их смогли заготовить лишь 41 тыс. куб. сажень, что составило 35 % потребностей.

Угля же было заготовлено лишь 25 %, а жидкого топлива из 400 тыс. пудов лишь 13,5 тыс. пудов, или 3,4 %.

Сложности с квалифицированными кадрами заключались в том, что многие рабочие были мобилизованы на партийную, советскую и хозяйственную работу, часть ушла в Красную армию, а часть – в деревню, чтобы прокормить семьи. Не содействовала закреплению квалифицированных рабочих и уравниловка в оплате, царившая тогда на предприятиях. К концу 1920 г. на омских предприятиях не хватало свыше половины квалифицированных рабочих. Все это приводило к тому, что предприятия Омска выпускали от 30 до 60 % плановой продукции.

Всего к концу 1920 г. в Омске насчитывалось 149 национализированных предприятий: 8 – металлообрабатывающих, 13 – пищевой промышленности, 32 – текстильной, 15 – швейной, 5 – деревообрабатывающей, 34 – химической (мыловаренные, свечные, лакокрасочные, винокуренные и др.), 31 – полиграфической промышленности. Однако большинство заводов не имели ни сырья, ни топлива и в основном простаивали (к началу 1920 г. на бирже труда в Омске числилось более 20 тыс. безработных).

Жизнь омичей была неотрывна от жизни сибирского крестьянства. Этому способствовал не только товарообмен между городом и деревней, без которого не могло быть полноценного сосуществования. Годы гражданской войны, когда омское подполье помогало партизанам Омского Прииртышья оружием, людьми, осуществляло в той или иной степени политическое руководство, еще больше укрепили взаимосвязи. Колчаковские погромы, мобилизация и экспроприации больно ударили по крестьянам Сибири. Не случайно крестьянство из пассивных наблюдателей в борьбе советской власти с так называемой «демократической контрреволюцией», а затем и белогвардейскими правительствами превратилось в массу своей в сознательного сторонника Советов.

В этих условиях после освобождения Омского Прииртышья от колчаковцев рабочий класс города стал оказывать крестьянам посильную помощь. Несмотря на трудности с металлом, топливом, на омских заводах уже к весне 1920 г. было изготовлено более двух тысяч однолемешных плугов, сотни металлических зубьев к боронам. На субботах делали конные грабли, жатки, сенокосилки и другую технику. С помощью рабочих в Омской губернии было создано около 50 прокатных пунктов, оснащенных сельскохозяйственным инвентарем. Для деревенских кузниц, где каждая железка была огромной ценностью, горожане собирали металлический лом. Благодаря помощи города, весенний сев 1920 г. прошел в основном без срывов.

В ходе «Недели крестьянина», проведенной с 1 по 20 сентября 1920 г., на омских предприятиях не только ремонтировали и изготавливали уборочную технику, но и направляли рабочие отряды для ремонта сельскохозяйствен-

ных орудий непосредственно на селе. Кроме того, горожане участвовали в уборке урожая. По данным губернской комиссии, в течение «Недели» рабочими отрядами было убрано 4 383 десятины зерновых, скошено 450 десятин сенокосных угодий, отремонтировано 423 плуга, 218 жаток, 187 молотилок, 316 веялок и много другой техники.

Помимо производственной помощи, горожане проводили на селе большую культурно-просветительную и политическую работу. В создававшиеся избы-читальни и библиотеки направлялись книги, газеты, журналы. Из Омска выезжали агитбригады с лекторами, артистами, музыкантами. Это помогало разъяснять политику советской власти, в какой-то степени снимало напряжение, возникшее в связи с проводившейся продразверсткой.

С восстановлением советской власти в Сибири восстанавливался и ее статус как важной житницы Советской России. Омск как бы возвращался к ситуации весны 1918 г. Директивы Центрального комитета РКП (б), постановление Народного комиссариата продовольствия (Наркомпрод), обращение В. И. Ленина к сибирякам сводились к задаче обеспечить Красную армию, рабочих, городское население Европейской России хлебом, продовольствием. Широко распространившаяся (хотя и слабо проверенная) информация о «колоссальных продовольственных ресурсах Сибири», когда якобы сливочное масло использовалось для смазки колес, пшеницу скармливали скоту и «молоком всполаскивали посуду», служила основанием для очень серьезных надежд Наркомпрода.

И действительно, конец 1919-го – начало 1920 г. были отмечены широким добровольным участием местного крестьянства в обеспечении продовольственных, фуражных, транспортных и иных нужд Красной армии, в поддержке голодающего населения Центра. С ноября 1919 г. до начала 1920 г. крестьянство края не только добровольно, но порой и безвозмездно поставляло сельхозпродукцию красноармейцам, партизанским соединениям, трудящимся Республики, выполняло различные повинности.

Оказалось, что еще сентябрьское постановление Сибревкома 1919 г., делавшее ставку не на продразверстку, а на свободную торговлю, на «самотек» и товарообмен как основные принципы продовольственной политики, было вполне обоснованным. До февраля 1920 г. сибревкомовская Сибирь (с центром в Омске) обеспечила посредством «самотека» заготовку более 5 900 тыс. пудов хлеба (по Омской губернии – около 2 350 тыс. пудов; пуд – 16,38 кг).

Однако почти шестилетний период военных и революционных потрясений привел к крайнему истощению производственных возможностей крестьянского хозяйства. Критической черты достигла изношенность сельхозоборудования, плачевным было состояние промышленного производства, железнодорожного транспорта. В этих условиях в Омске в начале 1920 г. на правах отделов Сибревкома

организуются Сибсельхоз, занимавшийся проблемами снабжения сельского хозяйства орудиями производства и металлом, Сибирский комитет по организации посевных площадей (Сиборгасев), Центральная комиссия по восстановлению разрушенных хозяйств Сибири – Цекохоз (все организации с системой местных подразделений), комиссии по оказанию помощи семьям красноармейцев.

Через систему Цекохоза для возмещения ущерба от действий партизанских соединений и Красной армии было распределено тягловой силы, сельхозинвентаря, семян, стройматериалов и оказано услуг на сумму почти в 600 млн руб. Огромную нехватку посевного материала (по Омской губернии – 1 119 тыс. пудов) Сиборгасев компенсировал почти на 30 % (омичи получили около 342 тыс. пудов). В результате с весенней посевной кампанией сибиряки в общем справились. Однако по шести уездам Омской губернии, в отличие от общих показателей по Сибири, уже в 1920 г. посевные площади не достигли уровня 1917 г. Проблема заключалась в том, что возможности советской власти, в частности возможности Сибсельхоза, сосредоточившего в своих руках все склады, фонды, прокатные пункты – словом, всю относительно работоспособную сельхозтехнику, инвентарь, были крайне ограниченными.

И уже в феврале 1920 г. в Омске фиксируются перебои с поступлением хлеба, фуража. «Самотек» как способ заготовки продовольствия без сколько-нибудь ощутимых «промтоварных инъекций» долго продержаться не мог. Положение осложнялось и катастрофической нехваткой денежных средств: колчаковские деньги были упразднены, «совзнаки» (которые сами по себе мало чего стоили) были тем не менее в страшном дефиците. Наладить местный оборот между сибирским крестьянством и наиболее

живучей в условиях кризиса мелкой кустарной промышленностью мешала поголовная мобилизация последней на нужды армии, транспорта, для решения топливной и прочих совершенно непрофильных проблем. За кустаря ожесточенно сражались на сибревкомовском и губернском уровнях отделы военных заготовок, кустарно-кооперативные отделы, отраслевые подразделения губсовнархозов, отделы труда, топлива, структуры, обслуживавшие сельское хозяйство, кооперативные организации. «Военный коммунизм» в этой сфере жизни региона проявил себя сразу же более определенно, чем первоначально в отношении сибирского крестьянского хозяйства.

Так или иначе, но с февраля 1920 г. продовольственная политика, исходившая из Омска, начинает ужесточаться. Инициаторы ужесточения – работники системы Наркомпрода, сотрудники Сибирского и губернского продовольственных комитетов. В литературе первый период ужесточения продполитики обозначен как «предварительная развёрстка», когда Сибревком стремился по возможности все-таки удержать принципы «самотека», свободной торговли. С переходом к такой развёрстке Омская губерния, включавшая тогда и хлеботородный Славгородский уезд, получила самое большое задание по краю – более 20 млн пудов хлеба – почти треть всего задания по Сибири. Для сравнения: второй по объемам поставок шла Томская губерния, которая должна была заготовить менее 10 млн пудов.

«Предварительная развёрстка» позволила увеличить госзаготовки продовольствия. Если за январь «самотеком» Сибирь дала менее 1,9 млн пудов хлебофуража, то в феврале удалось заготовить почти на миллион пудов больше, в марте получили около 5,2 млн пудов. Но как оказалось,

Похороны уполномоченного
Омской губернской чрезвычайной
комиссии П. А. Шноре.
Ноябрь 1920 г.

Из коллекции В. И. Селюка

это был предел возможностей в сложившихся условиях для «мягкой продрозверстки»: апрель дал 3,44 млн пудов, май – менее миллиона пудов. С принятым заданием Сибирь в итоге не справлялась. Зная ситуацию изнутри, губпродкомы региона, и в частности омский, уже в марте 1920 г. выдвигают требование перехода на полную продрозверстку с запрещением свободной продажи муки и зерна, правом закрытия базаров, с введением продотрядов и принципа принудительного изъятия продовольствия. Но 5 марта это предложение не было принято на заседании Омгубревкома. Через месяц Сибревком вынужден был поддержать предложения Сибпродкома о праве отмены приказа № 5 по отдельным губерниям, ибо простимулировать, поддержать «мягкую продрозверстку» было нечем. И все-таки жестко продрозверсточные решения сибирского совещания губпродкомиссаров, работавшего в Омске 12–18 апреля под началом Сибпродкома, Сибревком не поддержал. Слишком очевидной была опасность срыва посевной кампании 1920 г. подобным военно-коммунистическим нажимом на сибирское крестьянство. Да и понимание или ощущение верности пронэповских действий среди деятелей сибревкомовской Сибири фиксировалось с конца 1919 г.

Но развязывание войны Польшей против Советской России и активизация войск П. Н. Врангеля заставляли именно на Сибирь смотреть как на самый надежный, с военной точки зрения неугрожаемый источник продовольствия для страны, армии. С 24 на 25 апреля Омский губревком узаконил инициативу губпродкома о запрещении свободной торговли зерном, крупой, мукой, маслом, сыром вдоль линии Омской железной дороги. А с конца мая – начала июня Сибирь окончательно закрепились на принципах «военного коммунизма» – и, в частности, на принципах принудительной продрозверстки. Аресты, привлечение к суду ревтрибунала, заключение в концлагерь и иные репрессивные меры предусматривались за невыполнение заданий для председателей волостных ревкомов, других ответственных работников. По отношению к кулачеству, срывавшему разверстку, не исключалось применение военной силы.

Приказом Омгубпродкома от 1 июня предписывалось «всем упродкомам и волревкомам предпринять самые энергичные меры для понуждения населения к сдаче разверстанных продуктов». При этом подчеркивалось, что хлебная разверстка должна быть закончена безоговорочно к 20 июня на 60 %, к 1 июля – на 80 % и к 1 августа – на 100 %. Поставки в летние месяцы за счет методов принуждения и нажима резко возросли: более чем в 4,5 раза в июне, по сравнению с маем, и затем еще – в 2,7–2,8 раза за июль. Правда, до стопроцентного выполнения разверстки по Сибири и по Омской губернии, в частности, было далеко. Одновременно политическая ситуация в сибирской деревне, как отмечалось в донесениях с мест, ошутимо

обострилась. Тем не менее 20 июля Совнарком под председательством В. И. Ленина принял декрет об изъятии хлебных излишков в Сибири. Впрочем, не исключено, что сами сибиряки-сибревкомовцы подтолкнули правительство к принятию этого решения.

Сибирь получила в итоге почти удвоенное к предыдущему периоду задание по разверстке. Сибпродком предполагал возможным говорить об извлечении 100 млн пудов излишков хлебофуража, задание же было определено в 110 млн пудов – это составляло четверть всех поставок по стране (до этого за 1919–1920 гг. Сибирь обеспечивала менее 15 % всего заготовленного хлебофуража).

Проблемы новой продкампании в конце июля – августа рассматривались на высоких форумах Сибири. Первый Омский губернский съезд Советов в начале августа в своих решениях подчеркивал, что в 1920 г. из-за неурожая придется кормить как городское население промышленных центров, так и сельское население ряда губерний, а потому разверстка отныне включает «не только излишки от урожая настоящего года, но и остатки хлебов прошлых лет», Сибирь силою обстоятельств «превращена в настоящий продовольственный фронт».

Очередная продкампания предполагала выполнение заданий по разверстке к 1 декабря 1920 г. на 60 %, к 15 января 1921 г. – на 80 % и к 1 марта 1921 г. на 100 %. При этом почти треть всего объема поставок выпадала на Омскую губернию (35 млн пудов). Для реализации сложнейшей задачи продорганы Сибири были милитаризованы, на протяжении августа – декабря проводилась жесткая мобилизация специалистов продовольственного дела – проддела. Усилиями только Омского губбюро РКП (б), Омгоркома партии и Омгубпродсовета с сентября по декабрь 1920 г. в продсистему было направлено более 830 чел. Однако специалистов катастрофически не хватало.

Тенденции же по военизации проддела Сибпродком явно обозначил уже в июне – июле 1920 г., потребовав от губпродкомов использовать продотряды военпродбюро Всероссийского центрального совета профессиональных союзов и красноармейцев военизированной охраны (ВОХР) непосредственно для проведения хлебозаготовок (а не только для охраны и сопровождения грузов). Июльскими инструкциями Сибпродкома это было закреплено. Омгубпродком разбил губернию на заготовительные районы, в каждый из которых направлялись уборочная дружина из 100–120 чел., вооруженный рабочий продотряд, группа «вохровцев». В случае обострения ситуации – выступления крестьянства против разверстки – район предполагалось переводить на военное положение.

Между тем еще в июле 1920 г. Сибпродком оценивал политическую ситуацию в сибирской деревне как «состояние вооруженного нейтралитета», подчеркивая, что нажим вызовет безусловное осложнение этой ситуации, тем

более, что и виды на урожай оценивались ниже среднего и признавалось: сибирское крестьянство уже обессилено.

Пика изъятий хлебафуража в Сибири (в том числе в Омской губернии) удалось достичь в июле – 11 369 тыс. пудов. Август дал снижение приблизительно на одну шестую, сентябрь – падение к августу более чем в два раза, октябрь – незначительный рост и, наконец, в ноябре заготовки почти вышли на уровень августа. Однако последнее достигнуто было благодаря сверхчрезвычайным мерам. Страна срывалась в ситуацию катастрофическую: на рубеже 1920–1921 гг., когда до нового урожая оставался еще не один месяц, выяснилось, что у государства просто нет продовольственных запасов.

Система Наркомпрода, властно-управленческие структуры Сибири озадачены были одним: не дать прерваться тем немногочисленным ручейкам, что питали еще Центр, удовлетворяли хотя бы самые минимальные потребности государства. И потому подключались все из мыслимых способы воздействия на крестьянство: Омгубисполком распускал едва возникшие конституционные советские органы, возвращая чрезвычайщину – ревкомовскую систему; происходило переподчинение уездов и волостей, проводились «Недели помощи голодающим» и весь набор мер самого жесткого «военного коммунизма» – лишь

бы обеспечить поступление хлеба. И декабрь 1920 г. стал рекордным для Сибири: наивысший за весь предшествовавший период уровень июльских поставок удалось превысить более чем на 40 %, январь 1921 г. дал почти столько же, сколько было получено в июле. Однако все это означало выполнение к концу зимы лишь чуть более половины назначенной по Сибири разверстки. Омская губерния при этом вместо прежнего опережения обнаружила нарастающую тенденцию отставания от среднесибирских показателей: сначала на 2–3 %, а к апрелю и позднее – на 5–6 %.

Бесконечно множилось количество продразверсток: хлебафуражная, картофельная, овощная, мясная, по птице, табачная, по яйцу и шерсти, сенная и т. д.; натуральные трудовые повинности (и особенно тяжкая – гужевая) – и все это по требованиям конкурировавших властных структур. В результате ситуация по западносибирской деревне к рубежу 1920–1921 гг. сложилась критическая. И совсем не случайно общесибирские форумы (продовольственный и партийные) начала 1921 г. в Омске признавали: назначенная на Сибирь разверстка (в 110 млн пудов) чрезмерна, достигнутые же результаты сбора продовольствия и фуража должны быть признаны удовлетворительными. Равно не случайно и стремление интерпретировать идеи и соображения, прозвучавшие на VIII Всероссийском

Продотряд. 1920-е гг.
Из коллекции В. И. Селюка

съезде Советов, как обозначение предела разверстки; тем более что военные задачи и на юге, и на западе осенью 1920 г. были успешно решены. Но Центр по расчетам Наркомпрода определил: без 75 % выполнения разверстки Сибирью Республике не продержаться.

Между тем в закрытых сводках о политических настроениях населения Омской губернии за осенне-зимние месяцы 1920 г. отдел управления Омгубисполкома отмечал враждебное из-за разверсток настроение населения, слухи о готовящемся выступлении казаков, недовольство подворной повинностью, неполучением материалов и предметов первой необходимости, а также громадную нужду в них, концентрацию «зеленых» банд, поджоги хлебных скирд, мельниц, сильнейшую агитацию кулачества, контрреволюционных элементов...

О возможности восстаний сибирские структуры Всероссийской чрезвычайной комиссии в январе 1921 г. предупреждали все губернские центры. Но все подавляла линия Наркомпрода, для которого продовольственное дело мыслилось только в формулах продфронта. А коли фронт, следовательно, должен быть враг... Впрочем, в рамках абсолютизации «военного коммунизма» иное представить себе было бы очень сложно. И потому «политика продорганов осени – зимы 1920/1921 г. – это разгон местных органов управления, конфискация имущества» у сельского и волостного руководства «за бездеятельность», «аресты членов комячеек за их неспособность понудить граждан к выполнению разверстки», терроризирование крестьянства.

Требование обеспечить во что бы то ни стало выполнение 75 % назначенной разверстки (т. е. собрать еще половину от того, что уже собрали) было проведено как приказ по партийной, советской, «компродовской» линии. И с первой половины февраля западносибирская деревня запыхала в огне Петропавловско-Ишимского восстания. С февраля Омск – центр советской Сибири – превращается в своего рода штаб по организации его подавления. Речь шла о движении, захватившем уезды Тюменской и Омской губерний, некоторые районы Урала и нынешнего Казахстана, т. е. огромную территорию. Ходили слухи, что Омск вот-вот падет, и коменданту города приходилось специально объясняться с населением через прессу.

Военные действия с привлечением регулярных воинских частей против повстанческих формирований продолжались до лета 1921 г., если учитывать события на севере Тюменской губернии. Омску пришлось мобилизовать все наличные коммунистические, комсомольские, военные силы, дабы овладеть в конце концов ситуацией, удержать регион от полного погружения в кровавую смуту.

Своевременными, безусловно, оказались действия властных структур Омска (Сибревкома, Сиббюро Центрального комитета РКП (б), других сибирских и губернских

органов), развернувших сразу же расследование причин начавшегося выступления. Омгубревтрибунал, Реввоен-трибунал Сибири, его 1-й (Омский) отдел, железнодорожный трибунал, органы ВЧК уже с середины февраля начали следственную работу в Петропавловске, Ишиме, на станции Называевской и т. д.

Председатель Реввоентрибунала Сибири писал в Центр, что «глубоко убежден в том, что широкие крестьянские массы, принимавшие участие в мятеже, стали противниками советской власти лишь по недоразумению», ибо они «безусловно заинтересованы в сохранении и закреплении добытого революцией положения».

Сотрудники Реввоентрибунала Сибири зафиксировали все причины Петропавловско-Ишимского восстания. Но акценты реввоентрибунальцы расставляли неточно. Все-таки причина причин крестьянского выступления – не конкретные действия местных продработников и отдельных ответственных лиц, а стремление большевиков, Центра вынужденные меры, т. е. тактику («военный коммунизм»), превратить в норму, в стратегию. И не случайно властные структуры Омска (и губисполком, и Сибревком), обобщая информацию с мест в ноябре – декабре 1920 г., должны были признать: завершение гражданской войны воспринимается крестьянством как конец разверстке. К сожалению, снова, как и в конце весны – начале лета 1918 г., самым трагическим образом сказалось отсутствие реального представительства крестьянства в высших эшелонах власти, тогда как именно оно сумело верно определить суть и допустимые пределы политики «военного коммунизма» гораздо раньше, чем Центральный комитет РКП (б).

Первые шаги по коренной перестройке культурного строительства. Новый этап в культурном строительстве в Омске начался сразу же после изгнания из него колчаковцев. Уже 19 ноября 1919 г. при Омском ревкоме было организовано временное бюро по народному образованию. В декабре был создан губернский отдел, а в январе 1920 г. – городской отдел народного образования. Неотложными задачами временного бюро и отдела по народному образованию явились восстановление учебных заведений и культурных учреждений, закрытых колчаковцами, и организация их работы в соответствии с требованиями советской власти.

Восстановление и расширение сети школ проходило с большими трудностями. Часть школьных помещений не могла быть освобождена для занятий, так как они были заняты под госпитали, в связи с чем учащимся приходилось заниматься в три смены, а некоторые группы работали даже через день. В классах из-за неимения топлива было холодно, не хватало учебников, письменных принадлежностей. Из-за эпидемии тифа в декабре и январе школы не работали. Несмотря на это, к началу мая 1920 г. в школах первой ступени

вместо 3 221 обучавшегося при колчаковщине было уже 7 786 учащихся, или почти в два с половиной раза больше.

В первые же дни после освобождения Омска органы народного образования взялись за восстановление завоеваний Октябрьской революции в области народного образования, за коренную перестройку системы и содержания школьного образования. В соответствии с указаниями Наркомпроса все начальные, высшеначальные и средние школы были преобразованы в школы первой и второй ступени, введено совместное обучение мальчиков и девочек. Во всех школах было прекращено изучение Закона Божьего и вероучений. Большое внимание стало уделяться изучению истории, особенно событиям 1917 г. и гражданской войны. Увеличено число часов на естествознание. В школах второй ступени введено преподавание обществоведения и Конституции РСФСР. Была восстановлена новая орфография, начало вводиться трудовое обучение.

В борьбе за создание советской школы первостепенное значение имел вопрос о кадрах, об их политическом воспитании. В связи с этим городской комитет партии и ревком сразу после изгнания колчаковцев начали вести работу по разъяснению учителям политики советской власти в области народного образования и их переподготовке. В ноябре – декабре 1919 г. проводились систематические собрания учителей с докладами о строительстве советской трудовой школы, а в январе начали работать десятидневные курсы по переподготовке учителей. Летом для всех учителей школ первой ступени были проведены полутрехмесячные курсы, на которых были прочитаны лекции по истории партии, советской Конституции, истории религии, принципам советской трудовой школы и методике работы по отдельным предметам.

Были приняты также меры по улучшению материального положения учительства. За время с января по октябрь 1920 г. три раза повышалась заработная плата учителям. Наиболее нуждавшиеся учителя снабжались также обувью, одеждой, мануфактурой.

В мае 1920 г. Омский исполком вынес постановление о введении в городских школах первой ступени с нового учебного года всеобщего обязательного обучения. В связи с этим постановлением были приняты меры к дальнейшему освобождению школ от различных учреждений, ремонту их, оборудованию учебным инвентарем и заготовке топлива. Полностью, однако, освободить учебные помещения не удалось, и введение всеобщего начального обучения было перенесено на следующий учебный год.

С нового 1920/1921 учебного года приступило к работе 68 школ первой ступени с 10 836 учащимися и 18 школ второй ступени с 2 822 учащимися.

17 декабря 1919 г. газета «Советская Сибирь» опубликовала постановление губревкома, в котором говорилось: «Не далее чем в течение восьми месяцев, считая с 1 января

1920 г., все гражданское население Омска и его пригородов обоюбого пола от 17 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучиться грамоте». Задача ликвидации тяжелого наследия в такой короткий срок была, конечно, невыполнимой. Ее постановка говорит лишь о горячем желании как можно быстрее преодолеть культурную отсталость, образовавшуюся по воле эксплуататорских классов.

По переписи 1920 г., грамотность населения Омска составляла 60,7 %, Атаманского хутора – 55,9 %, Ново-Омска – 43,5 %. Под руководством партийных организаций в борьбу с неграмотностью включились все советские и общественные организации. Работа по ликвидации неграмотности была объявлена ударной, а подъем культуры советского народа – третьим фронтом. На предприятиях, в школах, в воинских частях создавались пункты ликвидации неграмотности (ликбезы), подбирались учителя из служащих, учащихся, грамотных рабочих. В начале января 1920 г. в городе работало уже 24 пункта по ликвидации неграмотности, а к весне их стало 50.

Советская власть проявила заботу о высшей школе и перестройке системы профессионального образования. После изгнания из Омска колчаковцев, 19 ноября 1919 г.,

А. А. Радаков. Неграмотный – тот же слепой. Агитплакат 1920-х гг.*

был восстановлен сельскохозяйственный институт. За ним были закреплены все здания бывшего политехнического института, а весной 1920 г. переданы все здания, оборудование и инвентарь ликвидированного сельскохозяйственного училища.

Началась новая полоса в развитии высшего ветеринарного образования. В январе 1920 г. ветеринарному факультету института были переданы все помещения бывшей ветеринарно-фельдшерской школы, а в апреле 1920 г. решением Сибревкома он был преобразован в ветеринарно-зоотехнический институт. С 1920/1921 учебного года новый институт начал работать в составе ветеринарного и зоотехнического факультетов, а в декабре в нем было открыто медицинское отделение.

Летом 1920 г. на базе учительского института и учительской семинарии был открыт еще один вуз – институт народного образования, который был призван готовить учителей школ первой и второй ступени, воспитателей дошкольных учреждений и внешкольных работников.

Для пополнения высших учебных заведений учащимися Сибревком направил в институты в порядке трудовой повинности студентов, не закончивших институт. В этих же целях при институтах стали организовываться рабочие факультеты. Первый рабочий факультет в Сибири был открыт 21 марта 1920 г. при Омском сельскохозяйственном институте. При его организации в нем было 300 студентов, в основном рабочие и красноармейцы, а с осени их стало 546. Для подготовки партийных и советских кадров в Омске в конце 1919 г. была открыта первая в Сибири партийно-советская школа.

Одновременно со строительством вузов началось восстановление и укрепление средних специальных учебных заведений. К началу 1920 г. было восстановлено механико-строительное училище, в котором при А. В. Колчаке была размещена английская миссия. Начали работать фельдшерско-акушерское, землемерное и железнодорожно-техническое училища.

В конце декабря 1919 г. два музыкальных училища, существовавших до Октябрьской революции, были объединены в музыкальную школу третьей ступени. В июле 1920 г. она была реорганизована в Первую Сибирскую рабоче-крестьянскую консерваторию. Летом на станции Омск была организована первая в Сибири музыкальная школа для рабочих, вторую такую же школу организовали в центре города. В октябре 1920 г. было открыто еще одно специальное учебное заведение – Сибирская художественно-промышленная школа. Это была четвертая художественно-промышленная школа в стране.

Для подготовки квалифицированных рабочих массовых профессий для омских промышленных предприятий и транспорта в конце 1920 г. было создано две школы заводского ученичества (впоследствии они стали называться

школами ФЗУ), в которых обучалось 75 детей в возрасте от 13 до 15 лет.

Начали восстанавливаться культурно-просветительные учреждения, закрытые колчаковцами, а также открывались новые. Удовлетворяя огромную тягу трудящихся к знаниям, городской комитет партии уже в декабре 1919 г. открыл народный вечерний университет, в который записалось 300 слушателей – рабочих и служащих предприятий бывшего Атаманского хутора. В январе 1920 г. в городе начал работать второй народный университет. Скоро он был преобразован в Сибирский показательный народный университет высшего типа. В марте появился третий народный университет.

Летом 1920 г. начали работать Великоорусский показательный оркестр, показательный хор и передвижной театр, который не менее 15 раз в месяц устраивал для рабочих и красноармейцев спектакли и концерты. Быстро начинают восстанавливаться и расти клубы, разгромленные при Колчаке. Уже к лету 1920 г. в Омске стало работать 22 клуба. При всех клубах читались лекции на политические и научные темы, организовывались кружки: драматический, хоровой, музыкальный, художественный; при клубе им. К. Маркса, им. В. Н. Подбельского и завода «Энергия» открылись музыкальные студии. Приступило к работе три кинотеатра: в центре города («Гигант»), на станции Омск, в Ново-Омске.

С ноября 1920 г. начал работать Первый государственный советский театр. Так назывался городской театр, в котором объединились опера и драма. Работали два малых народных театра (в центре города и на территории бывшего Атаманского хутора), включившие в свой репертуар все жанры и направления. На пролеткультовской основе был создан Рабочий театр, преобразованный затем в экспериментальный революционный театр (Экревте). Организован показательный театр со студией для подготовки руководителей сельских и рабочих драматических кружков.

Большой размах получило библиотечное дело. Уже в июне 1920 г. в Омске работала 21 библиотека, из них четыре центральных – им. А. С. Пушкина, Союза коммунистической молодежи, профсоюзная, педагогическая. Из подвалов и укрытий поднимались книги на полки и широким потоком растекались среди жадных к знаниям рабочих и крестьян.

Омск, будучи административным и политическим центром Сибири, в 1920 г. был центром и издательской деятельности. Газеты и журналы, являясь важным средством политического просвещения масс, выполняли организаторские функции. Через печать партийные органы руководили хозяйственным и культурным, партийным и советским строительством, разъясняли широким трудящимся массам сущность политики Коммунистической партии и социалистического государства. Уже 15 ноября 1919 г.,

т. е. на следующий день после занятия Омска красноармейскими частями, вышел первый номер газеты «Интернационал», выпущенный Омской коммунистической организацией и бюро Союза учителей-интернационалистов, а 18 ноября по решению райкома первый номер «Известий революционного комитета». С 26 ноября вместо «Известий» стала выходить газета «Советская Сибирь», орган Сиббюро РКП (б) и Сибревкома, тираж которой составил 20 тыс. экземпляров. Для сибирской деревни с 20 декабря начала издаваться «Сельская правда».

В 1920 г. Сиббюро Центрального комитета Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) и Омский горком РКСМ начали выпускать газету «Путь молодежи» и журнал «Юношеская правда». Издавались также «Известия Сибирского бюро РКП (б)», «Известия Сибирского областного бюро РКСМ», журнал «Жизнь Красной Сибири» – орган Сиббюро Центрального комитета РКП (б), «Красный путь» – орган Омского губбюро РКП (б). Выходили профсоюзные газеты, газеты на языках национальных меньшинств (татарском, казахском, украинском) и иностранных (венгерском, литовском, румынском). Издавались красноармейские журналы и газеты. По решению Сибревкома в марте 1920 г. в Омске было организовано Сибирское отделение государственного издательства. При нем для объединения вокруг издательства авторского коллектива была создана литературно-художественная секция, опубликовавшая 20 апреля в газете «Советская Сибирь» обращение к сибирским писателям и художникам, в котором изложила план на ближайшее время.

Омское государственное издательство печатало партийно-политическую литературу, в том числе произведения В. И. Ленина, брошюры по сельскому хозяйству, пьесы для самодеятельных театров. К третьей годовщине Октябрьской революции издательство выпустило юбилейный сборник с большой статьей Е. М. Ярославского «Три года диктатуры пролетариата».

Так, в условиях еще продолжавшейся гражданской войны, хозяйственной разрухи и всеобщего обнищания в Омске, как и во всей освобожденной Сибири, в 1919 и 1920 гг. развернулась на широком фронте борьба за становление социалистической культуры (по материалам книги Касьяна А. К. Омск социалистический (1917–1940-е гг.). Омск, 1971).

Художественная жизнь. К концу 1919 г. художественная среда Омска представляла собой конгломерат разбросанных под напором социально-политических перемен групп: интеллигенция из числа распавшегося «Общества художников и любителей изящных искусств Степного края» (ОХЛИИСК), местных и вновь прибывших художников из беженцев и мобилизованных, молодых

воспитанников студии А. Н. Клементьева. Время приобретения и утрат сыграло противоречивую роль в художественной жизни Омска. С одной стороны, оно способствовало притоку в город свежих творческих сил, которые с воодушевлением включились в работу ОХЛИИСК и, несмотря на трудности времени, продолжили его начинания, с другой – способствовало разрушению сплоченного единства. Просветительская деятельность омской интеллигенции, планомерно проводившей в жизнь идею создания Худпрома им. М. А. Врубеля, подготовила почву для развития изобразительного искусства следующего периода (по материалам книги И. Г. Девятяровой «Художественная жизнь Омска XIX – первой четверти XX вв.». Омск, 2000).

Художественной жизни Омска в 1920 г. посвящена новелла Леонида Мартынова «Омские озорники»: «Ясно, что всех нас идейно объединял Антон Сорокин, он в эти дни писал свою книжку “Тридцать три скандала Колчаку”, в которой рассказывалось и о знаменитом манифесте, обличавшем белогвардейских писателей, и о других действительных или вымышленных стычках с Колчаком и колчаковцами. Но, кроме этого, Антон Семенович занимался живописью, стараясь объединить вокруг себя молодых, еще не признанных художников. <...>

Оратор он был плохой, и лучше всего он привлекал внимание даже не рассказами своими, а картинками, ясно и наглядно изображавшими то самого его, Антона Сорокина, в образе мыслителя, скорбно взирающего на муки страждущего человечества, то опять-таки его самого, Антона Сорокина, но в образе какого-нибудь символического паука, сосущего попавшую в его паутину девообразную муху, олицетворяющую то ли невинность, то ли порок. Смысла в его картинках часто не было решительно никакого, но этим-то они и смешили публику и привлекали. Другие художники тоже выставляли немало занимательных полотен, главным образом революционных по содержанию и кубистических по форме. Насколько мне помнится, Виктор Уфимцев там выставлял эскизы будущей своей замечательной картины “Зъркалщикъ”.

Я тоже не отставал от других. И, помнится, выставил кое-что из своих “опытов”, например, злую самочку с мешком за плечами, скорчившуюся на крыше теплушки; это должно было олицетворять хищницу, мешочницу-спекулянтку, фигуру, типичную для того времени. И еще помню кентавра, мчащегося на испуганноокой одушевленной мотоциклетке.

Конечно, все это было достаточно наивно, но зато пестро, броско и видно издали. Одна такая выставка возле гостиницы “Европа” вызвала столь большое скопление публики, что создалась непосредственная угроза уличному движению, – появился наряд конной милиции» (Мартынов Л. Н. Воздушные фрегаты. М., 1974. С. 88, 91).